

Агеев Александр Иванович — генеральный директор Международного научно-исследовательского института проблем управления, директор Института экономических стратегий, доктор экономических наук, профессор МГИМО(У) МИД России, НИЯУ МИФИ, МГУ имени М.В. Ломоносова.
ageev@inesnet.ru

Золотарева Ольга Анатольевна — ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН), кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики и математических методов в управлении РТУ МИРЭА.
OAMahova@yandex.ru

Aleksandr I. Ageev — International Research Institute for Advanced Systems; Institute for Economic Strategies; MGIMO University; MEFPhI; Lomonosov Moscow State University.

Olga A. Zolotareva — Institute for Demographic Research FCTAS RAS (IDR FCTAS RAS); MIREA — Russian Technological University.

Работа выполнена в рамках научно-исследовательской работы для официального использования Евразийской экономической комиссией по теме «Исследование системы макроэкономических показателей, определяющих устойчивость экономического развития государств — членов Евразийского экономического союза, и количественная оценка их пороговых значений» (2020–2021 гг.).

Метрики устойчивости экономического развития ЕАЭС: проблема «ядра» системы показателей и пороговых значений

В настоящее время в соответствии со ст. 63 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее — Договор о ЕАЭС) государства — члены ЕАЭС формируют экономическую политику в рамках согласованных состава и значений «триады» макроэкономических показателей, которые «определяют устойчивость экономического развития» [1]:

- годовой дефицит консолидированного бюджета сектора государственного управления — не превышает 3-процентный показатель ВВП;
- долг сектора государственного управления — не превышает 50-процентный показатель ВВП;
- уровень инфляции (индекс потребительских цен) в годовом выражении (декабрь к декабрю предыдущего года, в процентных показате-

УДК: 339.924

DOI: 10.33917/es-5.179.2021.54-65

В предметной области макроэкономических показателей в настоящее время наблюдается не только активный поиск новых решений, но и практически непрерывное внедрение их в практику макроэкономического регулирования. Множественные кризисные процессы в мировой экономике и политике, развернувшаяся технологическая трансформация, резкая манифестация медико-биологических угроз создали дополнительные импульсы для формирования и использования новых моделей оценки макроэкономических реалий и комплекса проблем устойчивого развития.

В практике мировых интеграционных объединений и ЕАЭС в частности накоплен значительный опыт применения систем макроэкономических показателей с пороговыми значениями и процедурами реагирования на их нарушения. Критический разбор действующей системы макропоказателей в ЕАЭС позволил обосновать новое видение как состава показателей устойчивости экономического развития государств — членов ЕАЭС, так и оценочных критериев и пороговых значений.

Ключевые слова

ЕАЭС, макроэкономические показатели, устойчивость экономического развития, новый технологический уклад, ЦУР ООН, пороговые значения.

лях) — не превышает более чем на 5 процентных пунктов уровень инфляции в государстве-члене, в котором этот показатель имеет наименьшее значение.

Выбор такого состава показателей опирался на соответствующий опыт Европейского союза и сложившиеся практические и теоретические подхо-

ды в государствах — членах ЕАЭС (на тот момент в составе Беларуси, Казахстана и России).

Использование системы макроэкономических показателей в 2015–2020 гг. выявило ряд проблем, сводящихся в конечном счете к вопросу о достаточности «триады» и принятых пороговых значений для задач согласования макроэкономической

Sustainability Metrics of the EAEU Economic Development: Problem of the “Core” of the Indicators and Thresholds System

In the subject area of macroeconomic indicators there is currently not only an active search for new solutions, but also their almost continuous implementation in the practice of macroeconomic regulation. Multiple crisis processes in the world economy and politics, unfolding technological transformation, sharp manifestation of medical and biological threats have created additional impulses for forming and applying new models for assessing macroeconomic realities and a set of sustainable development problems. In the practice of world integration associations and the EAEU in particular, considerable experience has been accumulated in applying the systems of macroeconomic indicators with threshold values and procedures for responding to their violations. Critical analysis of the current system of macroeconomic indicators in the EAEU made it possible to substantiate a new vision of both the composition of indicators of sustainable economic development of the EAEU member states and assessment criteria as well as threshold values.

Keywords

EAEU, macroeconomic indicators, sustainability of economic development, new technological order, UN Sustainable Development Goals, thresholds.

➤ Потребовался весь комплекс форс-мажорных событий 2020 г., чтобы как минимум возник запрос на аудит полноты применяемой метрики макроэкономического развития в ЕАЭС.

политики расширенного состава ЕАЭС, в который сегодня входят также Армения и Кыргызстан. Определять преимущества и недостатки действующей системы целесообразно исходя из их целевого назначения и инструментальной эффективности.

Предназначение этих показателей — обеспечить национальные и интеграционные органы экономического регулирования надлежащей информации для координации усилий государств — членов ЕАЭС по поддержанию макроэкономической устойчивости, ценовой стабильности и процессов интеграции.

Инструментальную эффективность можно оценивать по ряду критериев, которые должны как минимум охватить параметры результативности (соответствие целевому назначению), релевантности (надлежащее отражение объекта наблюдения), экономичности (уровень ресурсных затрат на получение, обработку и использование данных).

Целевое назначение данных показателей формировалось в момент их введения и учитывало существовавшее на то время понимание задач, масштаба и возможностей экономической интеграции. Прежде всего для экономической устойчивости стран — участниц ЕАЭС была и, бесспорно, остается значимой их общая финансовая позиция по отношению к остальному миру, включая параметры устойчивости государственного долга, дефицита бюджета и темпов инфляции. Установленные ст. 63 Договора о Евразийском экономическом союзе цели и показатели макроэкономической устойчивости были согласованы с проводимой макроэкономической политикой [2, 3].

Однако ужесточение условий внешней торговли и инвестиций, введение санкций в отношении ряда государств — членов ЕАЭС, их партнеров и отдельных секторов и организаций, нарастание всеобщего протекционизма, глобальный экономический, а затем и пандемический кризис, вызвавший известные экономические и управленческие трудности, быстрое развертывание технологических трансформаций, сводящихся в итоге к переходу на новый технологический и мирохозяйственный уклад заметно сместили приоритеты

управленческих воздействий на экономику на национальном и наднациональном уровнях, обусловив интенсивный поиск новых моделей развития и управления.

Особые условия, определяющие необходимость актуализации системы метрик устойчивости экономического развития ЕАЭС

В современных условиях для оценки устойчивости национальных экономик недостаточно принимать в расчет только состояние государственных финансов. В принципе возможны такие режимы экономического развития, когда улучшение макроэкономических индикаторов сопровождается ухудшением демографической и социальной ситуации. И наоборот, улучшение последних оборачивается ухудшением макроэкономических проекций. Подмена целей средствами — довольно типовая ситуация в истории.

Система целей и задач развития ЕАЭС, отраженная в документе «Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» (далее — Стратегии-2025) [4], предусматривает проведение мониторинга. Он ориентирован на комплексную оценку экономического состояния стран — членов ЕАЭС, качества жизни и экономического благополучия населения, текущей ситуации по созданию условий для качественного роста экономики стран, а также на анализ результативности проводимой национальной и наднациональной политики. В конечном счете мониторинг должен способствовать обеспечению выхода стран — членов ЕАЭС и Союза в целом на траекторию достижения глобальной конкурентоспособности в условиях множественных изменений.

Стратегией-2025 предусмотрена «разработка совместных инновационных программ и инвестиционных проектов для повышения конкурентоспособности промышленности, сельского хозяйства и других отраслей экономики государств-членов», что соответствует «переходу Союза на инновационный путь развития», который предполагает «повышение инвестиционной активности и модернизацию экономик государств-членов на основе нового технологического уклада» [4].

В данном и других основополагающих документах ЕАЭС, таким образом, спектр целей Союза не сводится к поддержанию финансовой стабильности или узко понимаемой макроэкономической устойчивости. Однако у представителей ряда исполнительных органов некоторых государств — членов Союза сложились своего рода догматы. Их смысл — в преувеличении самоценности «устойчивости», описываемой «триадой» макроэкономических показателей. Как следствие — появление опасений по поводу рисков «перегрева»

экономик, хотя требуется богатое воображение, чтобы найти признаки «перегрева» в какой-либо стране — члене Союза. Еще более знаменательное следствие — убежденность в том, что в формуле «устойчивость экономического развития» акцент следует делать на устойчивости, а не на развитии. При кажущейся схоластичности подобных тезисов речь идет о приоритетах реальной экономической политики в контексте достижения благополучия населения стран ЕАЭС.

Потребовался весь комплекс форс-мажорных событий 2020 г., чтобы как минимум возник запрос на аудит полноты применяемой метрики макроэкономического развития в ЕАЭС. Задача в итоге сводится к тому, чтобы, во-первых, оценить действующую систему макроэкономических показателей с позиций ее обоснованности и полноты и, во-вторых, выявить возможности расширения «триады» макроэкономических показателей, включения в систему мониторинга новых индикаторов, позволяющих оценить выполнение задач, связанных с диверсификацией, модернизацией и повышением конкурентоспособности экономик стран — членов ЕАЭС на инновационной основе.

В любом случае система показателей всегда является служебной, она подчинена решению стратегических задач, обеспечивающих жизненно важные интересы нации и ее союзников.

Среди таких задач, общих для всех государств — членов ЕАЭС, парирование пандемических и иных угроз жизни и здоровью населения, рост продол-

жительности и качества жизни, реальное обеспечение конституционных прав на образование, работу и ее достойное вознаграждение, пенсии и иные социальные пособия, безопасность в государственном и повседневном измерениях. Достижение этих целей должно снижать риски преждевременной смертности и ущерба жизнеспособности.

Помимо этого персонализированного измерения требуется решение ряда макрозадач. Среди них — гарантирование национального суверенитета в современном сложном мире, достижение глобальной конкурентоспособности, которая невозможна без устойчивого развития промышленности, роста производительности труда и капитала, без решения проблемы капиталонакопления, в частности — без роста нормы инвестиций.

В мире уже произошел сдвиг целеполагания в экономике — переход на более широкий круг ориентиров. Принятые в 2015 г. «Цели в области устойчивого развития ООН» (ЦУР ООН) [5] обнажили значимость взаимосвязи и взаимозависимости экономического, социального и экологического развития.

«Зеленый сдвиг» происходит повсеместно. «Европа наращивает масштабную финансовую инфраструктуру для ESG-инвесторов. Сейчас главной аксиомой у крупных инвесторов становятся факторы защиты климата и окружающей среды» [6]. На международном климатическом саммите, состоявшемся 22–23 апреля 2021 г., Си Цзиньпин продемонстрировал еще большие «зеленые» амбиции: «Китай, как крупнейшая развивающаяся страна в мире, совершит самое большое в мире сокращение интенсивности выбросов углерода, за беспрецедентно короткие сроки мы проделаем путь от пика выбросов до углеродной нейтральности. Несомненно, это будет тяжелая битва» [7].

На уровне высшего руководства государств — членов ЕАЭС и в принятых стратегических документах все эти новейшие тенденции уже нашли отражение. Достаточно сослаться на следующие документы:

- «Стратегия национальной безопасности Республики Армения: устойчивая Армения в меняющемся мире», принята в июле 2020 г. [8];
- «Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года», одобрена Президиумом Совета министров Республики Беларусь в мае 2017 г. [9];
- «Национальный план развития Республики Казахстан до 2025 года», утвержден в феврале 2021 г. [10];
- «Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы», принята в ноябре 2018 г. [11];

• «Национальные цели развития России до 2030 года», утверждены в июле 2020 г. [12]; «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», утверждена в июле 2021 г. [13].

Корпус документов стратегического планирования во всех государствах — членах ЕАЭС обширен. По этому параметру — наличию нормативных документов — системы государственного управления всех государств — членов ЕАЭС выглядят вполне убедительно в любых международных сопоставлениях. С точки зрения иных этапов стратегического планирования ситуация менее привлекательна. Но это предмет другого рассмотрения.

В любом случае использование исключительно «триады» индикаторов экономического развития, утвержденных шесть лет назад, представляется анахронизмом в свете поставленных и согласованных государствами целей развития интеграции.

Динамика «триады» макроэкономических показателей

Анализ динамики основных макроэкономических индикаторов, определяющих устойчивость экономического развития, зафиксированных в ст. 63 Договора о ЕАЭС, показал недостаточность данного набора показателей.

Установленный предел годового дефицита консолидированного бюджета сектора государственного управления — не более 3% ВВП. Однако отсутствие превышения отнюдь не является свидетельством развития, оно, напротив, может отражать обострение проблем. Так, по годовым данным в период с 2015 по 2019 г. ни в Беларуси, ни в Казахстане, ни в России пороговое значение показате-

ля нарушено не было (табл. 1). Но разве в эти пять лет экономика указанных стран устойчиво развивалась? Для характеристики фактической динамики развития более уместны термины «стагнация» или «рецессия» (рис. 1).

Оценка взаимосвязи показателей, представленных в табл. 2, по расчетным значениям коэффициентов корреляции на базе исходных данных в динамике по кварталам с 2016 по 2020 г. показала довольно существенные различия по странам — членам ЕАЭС.

Зависимость динамики соотношения дефицита/профицита консолидированного бюджета сектора государственного управления и ВВП и изменения уровня инфляции (ИПЦ) определена как прямая умеренная в Армении и Беларуси, в то время как в Казахстане, Кыргызстане и России между показателями обратная зависимость (при этом для Казахстана связь практически отсутствует).

Динамика соотношения дефицита/профицита консолидированного бюджета сектора государственного управления и ВВП и динамика индексов физического объема ВВП по всем странам характеризуется прямой зависимостью, однако сила связи более существенно проявляется для показателей Казахстана и России (заметная/средняя зависимость), в то время как зависимость между данными показателями, характерными для Кыргызстана, выглядит как слабая или практически отсутствующая.

Если сопоставить динамику долга сектора государственного управления по отношению к ВВП в контексте выполнения утвержденного предела/критерия, установленного ст. 63 Догово-

Таблица 1

Динамика соотношения дефицита/профицита консолидированного бюджета сектора государственного управления к ВВП и темпы прироста ВВП на душу населения по странам ЕАЭС, %

Годы	Армения		Беларусь		Казахстан		Кыргызстан		Россия	
	Соотношение дефицита/профицита консолидированного бюджета сектора государственного управления и ВВП, %	Темп прироста ВВП на душу населения, %	Соотношение дефицита/профицита консолидированного бюджета сектора государственного управления и ВВП, %	Темп прироста ВВП на душу населения, %	Соотношение дефицита/профицита консолидированного бюджета сектора государственного управления и ВВП, %	Темп прироста ВВП на душу населения, %	Соотношение дефицита/профицита консолидированного бюджета сектора государственного управления и ВВП, %	Темп прироста ВВП на душу населения, %	Соотношение дефицита/профицита консолидированного бюджета сектора государственного управления и ВВП, %	Темп прироста ВВП на душу населения, %
2015	-4,8	3,5	2,3	-3,9	-2,2	-0,3	-1,2	1,8	-2,5	-2,9
2016	-5,5	0,6	1,7	-2,6	-2,8	-0,3	-4,3	2,2	-3,0	0,0
2017	-4,8	7,9	2,1	2,5	-2,98	2,7	-2,8	2,7	-0,6	1,7
2018	-1,6	5,5	4,1	3,3	1,4	2,7	-0,2	1,8	3,5	2,5
2019	-0,8	7,8	2,5	1,6	-0,5	3,2	0,5	2,4	2,5	1,4
2020	-5,1	-7,3	-1,6	-0,5	-6,6	-3,8	-2,8	-10,3	-3,4	-2,8

Красным шрифтом обозначены нарушения пороговых значений по «триаде» макропоказателей ■ Значения показателей, характеризующие рецессию ■ Значения показателей, характеризующие стагнацию

Рисунок 1

Динамика индексов физического объема ВВП и соотношения дефицита/профицита консолидированного бюджета сектора государственного управления к ВВП по странам ЕАЭС, %

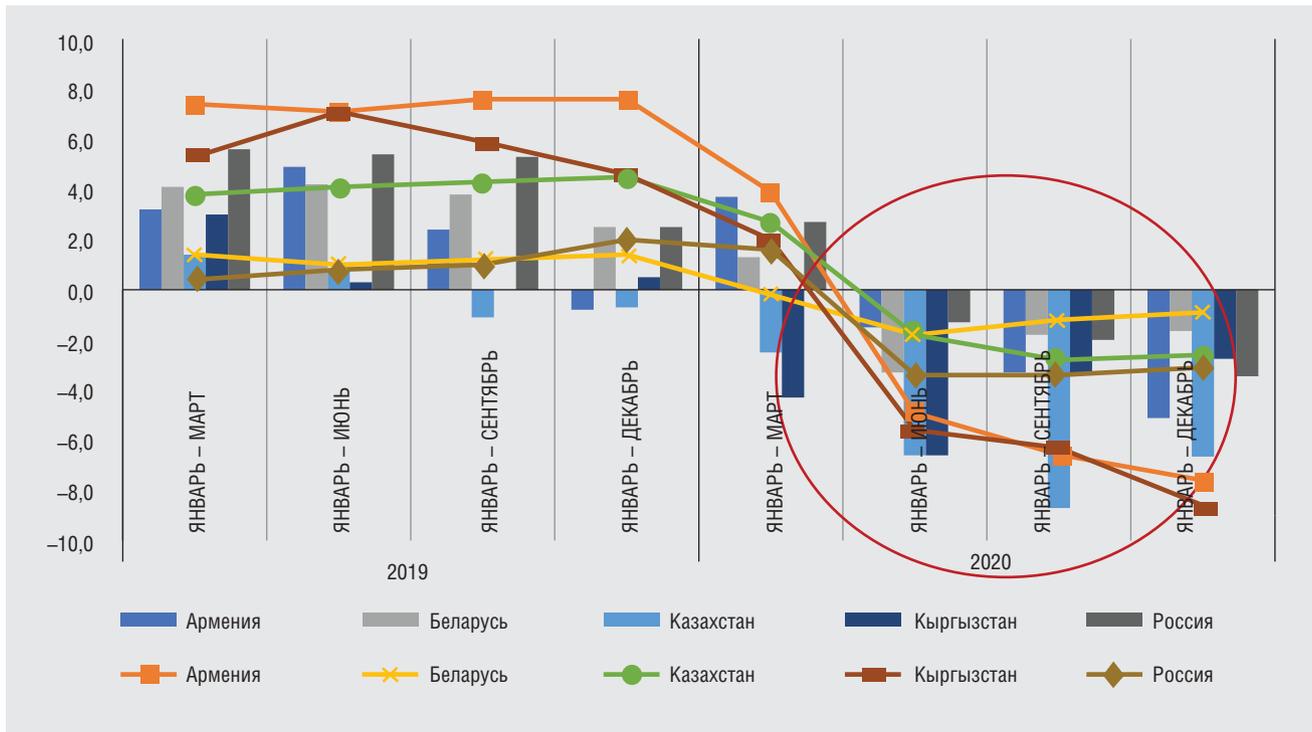

Таблица 2

Коэффициенты парной корреляции Пирсона по ряду макроэкономических показателей

Исследуемые зависимости	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Соотношение дефицита/профицита консолидированного бюджета сектора государственного управления и ВВП, % ~ Уровень инфляции (ИПЦ), %	0,436	0,436	-0,098	-0,372	-0,392
Соотношение дефицита/профицита консолидированного бюджета сектора государственного управления и ВВП ~ Индексы физического объема ВВП, %	0,463	0,463	0,641	0,213	0,633
Индексы физического объема ВВП, % ~ Уровень инфляции (ИПЦ), %	0,343	0,343	-0,409	-0,644	-0,097

ра о ЕАЭС, и индексов физического объема ВВП, становится очевидной необходимость пересмотра утвержденного критерия с учетом специфики стран (табл. 3).

В целом динамика долга сектора государственного управления по отношению к ВВП в странах — членах ЕАЭС определяется факторами, связанными прежде всего с ростом доли долга в иностранных валютах и увеличением стоимости обслуживания долга.

При хороших значениях показателей финансовой, денежно-кредитной статистики, традиционно отражающих экономическое положение государства (сальдо платежного баланса, объем государственного долга к ВВП, коэффициент достаточности валютных резервов и др.), в дей-

ствительности в силу объективных результатов проводившейся макроэкономической политики и состояния экономики страны ЕАЭС находятся в запредельно критической зависимости от мировых цен на энергоносители и сырье и от иностранных кредиторов. К этому следует добавить значительный уровень «офшоризации» прав собственности на ключевые предприятия.

Столь же существенные проблемы обнаруживаются и в динамике показателя инфляции, которая, согласно ст. 63, не должна превышать 5% от минимального уровня внутри Союза. Показатель демонстрирует хаотичный разброс, плохо отражающий динамику реальных процессов. Основным недостатком критерия является отсутствие привязки наименьшего значения инфляции к какому-либо эталону — таргету по инфляции в со-

Таблица 3

Суммы долга сектора государственного управления, в % от ВВП, и индексы физического объема ВВП, %

Периоды времени	Армения		Беларусь		Казахстан		Кыргызстан		Россия		
	Соотношение суммы долга сектора государственного управления и ВВП (долг превышает 50% от ВВП), %	Индексы физического объема ВВП, %	Соотношение суммы долга сектора государственного управления и ВВП (долг превышает 50% от ВВП), %	Индексы физического объема ВВП, %	Соотношение суммы долга сектора государственного управления и ВВП (долг превышает 50% от ВВП), %	Индексы физического объема ВВП, %	Соотношение суммы долга сектора государственного управления и ВВП (долг превышает 50% от ВВП), %	Индексы физического объема ВВП, %	Соотношение суммы долга сектора государственного управления и ВВП (долг превышает 50% от ВВП), %	Индексы физического объема ВВП, %	
2019	Январь — март	50,3	107,4	36,8	101,4	18,4	103,8	54,0	105,3	11,1	100,4
	Январь — июнь	49,2	107,1	37,0	101,0	18,8	104,1	54,0	107,1	11,8	100,8
	Январь — сентябрь	48,9	107,6	35,5	101,2	19,6	104,3	54,3	105,9	12,0	101,0
	Январь — декабрь	49,9	107,6	35,6	101,4	18,8	104,5	54,8	104,6	12,2	102
2020	Январь — март	49,7	103,9	34,2	99,8	18,8	102,7	55,2	102,0	12,2	101,6
	Январь — июнь	54,5	95,1	36,8	98,2	21,1	98,2	58,6	94,4	13,2	96,6
	Январь — сентябрь	56,7	93,4	37,0	98,8	22,9	97,2	60,9	93,7	14,6	96,6
	Январь — декабрь	60,4	92,4	39,0	99,1	24,9	97,4	64,1	91,4	17,3	96,9

ответствии с основными целями денежно-кредитной политики стран ЕАЭС или среднемировой инфляции.

Взаимосвязь индексов физического объема ВВП и динамики уровня инфляции в Армении и Беларуси характеризуется как умеренная прямая; в Казахстане, Кыргызстане и России — обратная (сила связи соответственно по странам: умеренная; заметная/средняя; практически отсутствующая).

Различия в национальной инфляции подразумевают, что реальные обменные курсы национальных валют стран-членов будут меняться относительно друг друга. Это повлияет на относительную конкурентоспособность этих стран. Могут также измениться направления инвестиционных потоков между странами Союза. По оценкам Банка международных расчетов, помимо уровня инфляции в странах важным показателем является также длительность отклонения инфляции от среднего уровня. Вероятно, в дальнейшем по мере углубления интеграционных процессов данный показатель будет также целесообразно учитывать.

Политика национальных банков Армении, Казахстана и России схожа и ставит своей задачей достижение среднесрочного таргета по инфляции

на уровне 3–4% (вблизи 4%) [14–16]. Исключение составляют политика Национального банка Республики Беларусь (в рамках «Основных направлений денежно-кредитной политики Республики Беларусь на 2021 г.» и «Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг.» ориентиром низкой инфляции выступает поддержание прироста потребительских цен вблизи 5% [17]) и политика Национального банка Кыргызской Республики (в рамках «Основных направлений денежно-кредитной политики на среднесрочный период» указан таргет по инфляции в пределах 5–7% [18]).

Средняя мировая инфляция в 2005 г. составляла 4,1% и не поднималась выше 5% до 2008 г. (в год мирового финансового кризиса ее уровень составил 8,9% — выброс). Начиная с 2009 г. и по отчетный период уровень вновь не превышал 5%, в последние 7 лет фиксируются колебания значений в пределах от 2,6 до 1,4% [19].

Исходя из данных динамики уровня инфляции отражение кризиса, связанного с COVID-19, фиксируется только в Кыргызстане (табл. 4). В Армении в 2020 г. значение ИПЦ было минимальным в ЕАЭС, в Беларуси, Казахстане и России уровень инфляции не превышает установленного порогового значения, что должно бы знаменовать устой-

чивость роста экономики, но довольно жестко противоречит действительности.

Политика таргетирования инфляции, проводимая с 2015 г., не позволила смягчить влияние спада экономики в ряде стран ЕАЭС на динамику денежных доходов населения, которые после всплеска кризисных явлений в 2014 г. подверглись значительному давлению. Несмотря на продолжающийся рост номинальных денежных доходов, инфляционные процессы, особенно интенсивные в начале рассматриваемого периода, привели к тому, что в реальном выражении денежные доходы домохозяйств снижались несколько лет подряд: в Беларуси, Казахстане и России с 2015 по 2017 г. (критерий по инфляции не выполнялся в каждой из стран в 2015 и 2016 гг.). В 2018 и 2019 гг. в данных странах был достигнут рост реальных денежных доходов домохозяйств. В Кыргызстане рост показателя фиксируется с 2016 по 2019 г., причем при сокращении реальных денежных доходов домохозяйств в 2015 г. критерий по инфляции выполнен. В Армении ни разу не фиксировалось нарушение критерия по инфляции, в то время как с 2015 по 2018 г. наблюдался рост, а в 2019 г. — сокращение реальных денежных доходов домохозяйств.

Таким образом, анализ динамики показателей «триады», утвержденных ст. 63 Договора о ЕАЭС, выявил их слабую надежность с точки зрения характеристики устойчивости экономического роста стран и подтвердил необходимость их актуализации.

Во-первых, выявлено ожидаемо сильное, хотя и не одинаковое по величине и знаку влияние пандемии 2020 г. и нефтяной конъюнктуры на ключевые показатели социально-экономического раз-

вития стран — членов ЕАЭС — «триаду» макроэкономических показателей. Произошло значимое для всех стран — членов Союза ухудшение их платежного баланса и в ряде случаев выход показателей за пределы, установленные ст. 63 Договора о ЕАЭС.

Во-вторых, все показатели «триады» были нарушены, хотя и не в равной мере, во всех странах — членах ЕАЭС. Несмотря на соответствие показателей, утвержденных ст. 63 Договора о ЕАЭС, критическим значениям, наблюдались кризис или стагнация экономик, но никак не устойчивое развитие. Проведенная оценка показала недостаточность имеющейся «триады» показателей для точной диагностики макроэкономической ситуации и определения устойчивости развития.

Новое видение системы метрик и оценочных критериев устойчивости экономического развития ЕАЭС

Предлагаемый перечень основных показателей устойчивости социально-экономического развития государств — участников ЕАЭС был определен с учетом анализа, обобщения и синтеза представляемых индикаторов по базам данных ведущих международных организаций:

- Всемирный банк: <https://databank.worldbank.org/home>;
- МВФ: <https://www.imf.org/external/datamapper/datasets>;
- ЕЭК ООН: <https://w3.unece.org/PXWeb/en>;
- ОЭСР: <https://stats.oecd.org/>;
- Евростат: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database>;
- Статкомитет СНГ: <http://www.cisstat.com>;
- Департамент статистики ЕАЭС: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx.

Таблица 4

Динамика уровня инфляции (ИПЦ) в годовом выражении, декабрь к декабрю предыдущего года, и темпы прироста реальных денежных доходов домохозяйств по странам ЕАЭС, %

Годы	Критерий по уровню инфляции, %	Армения		Беларусь		Казахстан		Кыргызстан		Россия	
		Уровень инфляции (ИПЦ), %	Темп прироста реальных денежных доходов домохозяйств, %	Уровень инфляции (ИПЦ), %	Темп прироста реальных денежных доходов домохозяйств, %	Уровень инфляции (ИПЦ), %	Темп прироста реальных денежных доходов домохозяйств, %	Уровень инфляции (ИПЦ), %	Темп прироста реальных денежных доходов домохозяйств, %	Уровень инфляции (ИПЦ), %	Темп прироста реальных денежных доходов домохозяйств, %
2015	4,9	-0,1	1,9	12,0	-3,9	13,6	-1,1	3,4	-3,3	12,9	-7,6
2016	3,9	-1,1	9,5	10,6	-6,0	8,5	-5,6	-0,5	4,1	5,4	-3,6
2017	7,5	2,6	2,4	4,6	-0,4	7,1	-0,4	3,7	7,9	2,5	-2,9
2018	5,5	1,8	1,8	5,6	10,6	5,3	4,0	0,5	10,9	4,3	2,9
2019	5,7	0,7	-1,4	4,7	8,4	5,4	4,6	3,1	5,3	3,0	1,8
2020	8,7	3,7	...*	7,4	3,0	7,5	0,6	9,7	-6,9	4,9	...*

Красным шрифтом обозначены нарушения пороговых значений по «триаде» макропоказателей ■ Значения показателей, характеризующие рецессию ■ Значения показателей, характеризующие стагнацию

*По состоянию на конец июля — начало августа 2021 г. на сайте ЕЭК данные отсутствуют.

Рассмотрены данные открытых информационных ресурсов национальных статистических комитетов стран — участниц ЕАЭС: Армении (<https://www.armstat.am/>), Беларуси (<https://www.belstat.gov.by/>), Казахстана (<https://stat.gov.kz/>), Кыргызстана (<http://www.stat.kg/>) и России (<https://rosstat.gov.ru/>).

Целесообразность включения показателей в систему определялась с позиции необходимости достижения высокой информативности и эффективности в отражении реально значимых процессов социально-экономического развития, высокой степени соответствия индикаторов, предлагаемых к внедрению в систему макроэкономических показателей, основным/приоритетным направлениям развития как ЕАЭС в целом, так и каждой из стран-участниц.

Предлагаемая система макроэкономических показателей представляет многоуровневую конструкцию метрик экономического развития стран ЕАЭС, в которой включенные в нее индикаторы классифицированы по смысловым рубрикам (разбивка на подсистемы) и блокам (рис. 2).

Подсистема «целей и ориентиров макроэкономической политики» сохраняет «триаду» макропоказателей как индикаторов, на которые государство может влиять прямым образом в рамках проводимой денежно-кредитной политики (соотношение дефицита/профицита консолидированного бюджета сектора государственного управления и ВВП, %; долг сектора государственного управления в % от ВВП; уровень инфляции (индекс потребительских цен, ИПЦ) в годовом выражении (декабрь к декабрю предыдущего года, %)).

Сохранение «триады» при отмеченных выше недостатках вызвано бесспорной значимостью для экономической устойчивости стран — участниц ЕАЭС их общей финансовой позиции по отношению к остальному миру. Но критерии показателей и пороговые значения нуждаются в актуализации.

Расширенную систему показателей устойчивости экономического развития ЕАЭС представляют две рубрики:

- подсистема макроэкономических показателей устойчивого долгосрочного экономического развития;
- подсистема показателей макроэкономических уязвимостей и дисбалансов.

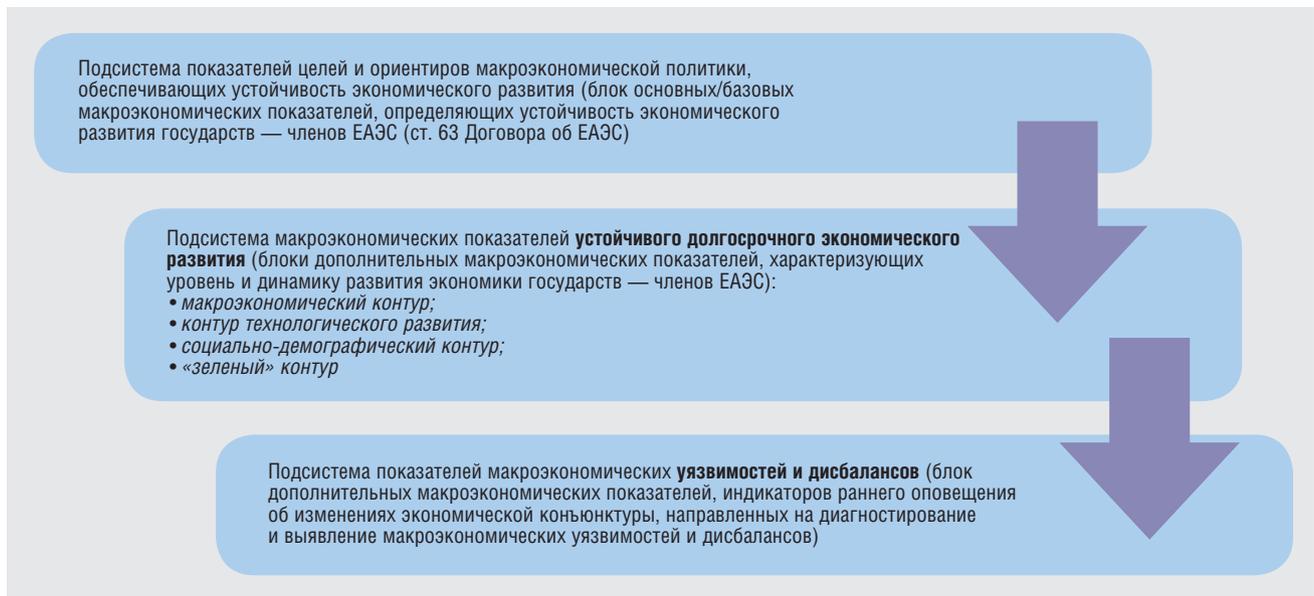
Перечень показателей, включенных в каждую из указанных подсистем, представлен в *табл. 5*.

Таким образом, систему макроэкономических показателей составили 44 индикатора, из которых по 41 показателю в странах — членах ЕАЭС ведется учет. Но при этом данные по ряду индикаторов не представляются в ЕЭК (индекс производительности труда в экономике, удельный вес валовой добавленной стоимости малого и среднего предпринимательства в ВВП, показатели «зеленого» контура и большинство показателей контура технологического развития)¹.

Три показателя — это индикаторы отдельного раздела «перспективы статистики макроэкономических показателей в контексте технологического развития», которые с учетом развития статистики стран могут быть включены в подсистему «макроэкономических показателей устойчивого долгосрочного экономического развития», контур технологического развития.

Рисунок 2

Многоуровневая система макроэкономических показателей (СМП)

Индикаторы расширенной системы макроэкономических показателей устойчивости экономического развития ЕАЭС

Подсистема макроэкономических показателей устойчивого долгосрочного экономического развития			
<i>Макроэкономический контур</i>			
1	Темп прироста ВВП в процентах к соответствующему периоду предыдущего года, в постоянных ценах	8	Индекс промышленного производства по виду экономической деятельности «Обрабатывающая промышленность»
2	Темп прироста ВВП на душу населения по ППС	9	Индекс производства продукции сельского хозяйства
3	Добавленная стоимость, создаваемая в обрабатывающей промышленности, в % к ВВП	10	Удельный вес валовой добавленной стоимости малого и среднего предпринимательства в ВВП
4	Индекс объема инвестиций в основной капитал, в % к предыдущему году	11	Чистый экспорт товаров и услуг
5	Удельный вес валового накопления основного капитала в ВВП	12	Индексы цен производителей промышленной продукции
6	Энергоемкость ВВП	13	Темп прироста расходов на конечное потребление
7	Индексы производительности труда в экономике		
<i>Контур технологического развития</i>			
14	Удельный вес продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП	18	Доля расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в ВВП
15	Удельный вес инновационной продукции (товаров, услуг) в ВВП	19	Уровень инновационной активности организаций
16	Удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции организаций промышленности на экспорт	20	Доля организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем количестве организаций
17	Доля экспорта наукоемкой и высокотехнологической продукции в общем объеме экспорта	21	Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства
<i>Социально-демографический контур</i>			
22	Индекс реальных денежных доходов домашних хозяйств	26	Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)
23	Уровень бедности	27	Уровень безработицы
24	Индекс реального размера назначенных пенсий	28	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в разрезе мужчин и женщин
25	Коэффициент фондов (по 10-процентным группам населения)	29	Суммарный коэффициент рождаемости
<i>«Зеленый» контур</i>			
30	Выбросы основных загрязняющих веществ на душу населения (или) на единицу ВВП	31	Доля инвестиций в основной капитал на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов
Подсистема показателей макроэкономических уязвимостей и дисбалансов			
32	Объем денежной массы (M2) в экономике, % к ВВП	36	Чистый приток прямых иностранных инвестиций, % к ВВП
33	Объем наличных денег в обращении (M0; % к валютным резервам)	37	Объем совокупного внешнего долга, % к ВВП
34	Сальдо счета текущих операций (по платежному балансу), % к ВВП	38	Индекс реального эффективного обменного курса национальной валюты, %
35	Чистая международная инвестиционная позиция, % к ВВП		
Перспективы статистики макроэкономических показателей в контексте технологического развития			
39	Удельный вес произведенных товаров, оказанных услуг и выполненных работ с использованием технологий шестого технологического уклада в ВВП, %	41	Индекс производительности труда в высокотехнологичных видах экономической деятельности с использованием технологий шестого технологического уклада, %
40	Удельный вес инвестиций в высокотехнологичные виды экономической деятельности с использованием технологий шестого технологического уклада в ВВП		

В целом предлагаемая система макроэкономических показателей не только отвечает сложившимся традициям макроэкономических оценок, но и предполагает стимулирование всестороннего развития каждой страны — члена ЕАЭС и интеграции этих стран.

* * *

Перспективы развития евразийской интеграции, экономического и более широкого сотрудничества государств, входящих в ЕАЭС, вряд ли возмож-

но рассматривать вне задачи стимулирования экономического роста в каждой стране. Отсутствие роста (стагнация) либо кризис (рецессия) чреваты торможением сотрудничества, нарушением экономических связей с вытекающими отнюдь не положительными последствиями для развития союзных отношений. В каждой из стран — членов ЕАЭС как до, так и после образования Союза сложились сугубо специфические условия экономической динамики. Они определяются ресурсными возможностями (включая размер страны),

институциональными преобразованиями, внешним окружением (расположением), проводимой экономической политикой и многими другими факторами [21].

Проведенный анализ по расширенной системе показателей продемонстрировал, что в ряде стран, несмотря на достижение соответствия таким показателям, утвержденным ст. 63 Договора о ЕАЭС, наблюдалась стагнация или рецессия экономики, но никак не устойчивое развитие. Утвержденная «триада» макроэкономических показателей не отвечает возможностям всестороннего и многогранного анализа устойчивости экономического развития, установленные пороговые значения неадекватно отражают масштабы экономик стран ЕАЭС. В связи с этим целесообразно не только актуализировать пороговые значения «триады» макроэкономических показателей, но и ввести дополнительные, но обязательные к исполнению, условия по каждому из индикаторов.

Разработанная система показателей определенно имеет уникальный характер, она включает не только индикаторы, напрямую оценивающие устойчивость экономического развития стран — членов ЕАЭС, но и такие, которые позволяют в определенных аспектах характеризовать качество жизни в этих странах, а также ряд индикаторов раннего оповещения об изменении экономической конъюнктуры и рисках экономических дисбалансов.

На уровне ЕАЭС подобная система показателей, позволяющая на наднациональном уровне учитывать в оценке макроэкономической устойчи-

вости технологическое развитие с акцентом на новый технологический уклад, предлагается впервые. Предложенная система макроэкономических показателей соответствует необходимости использовать методы современной диагностики реальной проблематики устойчивости и развития.

□

ПЭС 21075 / 04.10.2021

Примечание

1. Разработаны не во всех странах, но, так как практика оценки/учета показателей существует более чем в одной из стран ЕАЭС, выявлена необходимость распространения опыта на все страны — значимость технологического развития для устойчивости роста экономики стран — членов ЕАЭС неоспорима [20].

Источники

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) (ред. от 15 марта 2018 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
2. Перечень мероприятий по реализации основных ориентиров государств — членов ЕАЭС на 2019–2020 годы [Электронный ресурс] // Кодекс. URL: <http://docs.cntd.ru/document/560952081>.
3. О перечне мероприятий по реализации основных ориентиров государств — членов Евразийского экономического союза на 2019–2020 годы [Электронный ресурс] // Сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/monitoring/Documents/Перечень%202019-2020.pdf.
4. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» [Электронный ресурс] // Кодекс. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12.

References

1. *Dogovor o Evrazijskom ekonomicheskom soyuze (podpisan v g. Astane 29 maya 2014 g.) (red. ot 15 marta 2018 g.)* [Treaty on the Eurasian Economic Union (Signed in Astana on May 29, 2014) (as Amended on March 15, 2018)]. Konsul'tantPlyus, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
2. *Perechen' meropriyatii po realizatsii osnovnykh orientirov gosudarstv — chlenov EAES na 2019–2020 gody* [List of Activities to Implement the Main Guidelines of the EAEU Member States for 2019–2020]. Kodeks, available at: <http://docs.cntd.ru/document/560952081>.
3. *O perechne meropriyatii po realizatsii osnovnykh orientirov gosudarstv — chlenov Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza na 2019–2020 gody* [On the List of Activities to Implement the Main Guidelines of the Eurasian Economic Union Member States for 2019–2020]. Sait Evrazijskoi ekonomicheskoi komissii, available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/monitoring/Documents/Perechen'%202019-2020.pdf.
4. *Reshenie Vysshego Evrazijskogo ekonomicheskogo soveta ot 11 dekabrya 2020 g. N 12 "O Strategicheskikh napravleniyakh razvitiya evrazijskoi ekonomicheskoi integratsii do 2025 goda"* [Resolution of the Supreme Eurasian Economic Council Dated December 11, 2020 No. 12 "On Strategic Directions for Developing the Eurasian Economic Integration Until 2025"]. Kodeks, available at: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12.
5. *Tseli v oblasti ustoichivogo razvitiya OON* [Sustainable Development Goals of the United Nations]. UN.org, available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>
6. *Eko-nomika. Pochemu rossiiskaya ekonomika "pozelenet" posle koronavirusa* [Eco-nomy. Why the Russian Economy will "Turn Green" After the Coronavirus]. RBK. Trendy, available at: <https://trends.rbc.ru/trends/green/5ea82ca89a79472db412c14a>.
7. *Kitai vzyal kurs na "zelenuyu" ekonomiku* [China has Set a Course Towards "Green" Economy]. RG.RU, 2021, June, 8, available at: <https://rg.ru/2021/06/09/kitaj-planiruet-dostignut-uglerodnoj-nejtralnosti-k-2060-godu.html>.
8. *Strategiya natsional'noi bezopasnosti Respubliki Armeniya: ustoichivaya Armeniya v menyayushchemsya mire* [National Security Strategy of the Republic of Armenia: Sustainable Armenia in a Changing World]. Ofitsial'nyi sait Pravitel'stva Respubliki Armeniya, available at: <https://www.gov.am/ru/gov-program/>
9. *Natsional'naya strategiya ustoichivogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Belarus' na period do 2030 goda* [National Strategy for Sustainable Socio-economic Development of the Republic of Belarus for the Period up to 2030]. Ofitsial'nyi sait Ministerstva ekonomiki Respubliki Belarus', available at: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaya-strategiya-ustoichivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>.
10. *Natsional'nyi plan razvitiya Respubliki Kazakhstan do 2025 goda* [National Development Plan of the Republic of Kazakhstan Until 2025]. Ofitsial'nyi sait Ministerstva natsional'noi ekonomiki Respubliki Kazakhstan, available at: <https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/press/news/details/170579?lang=ru;http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000636>

5. Цели в области устойчивого развития ООН [Электронный ресурс] // UN.org. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>

6. Эко-номика. Почему российская экономика «позеленеет» после коронавируса [Электронный ресурс] // РБК. Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/5ea82ca89a79472db412c14a>.

7. Китай взял курс на «зеленую» экономику [Электронный ресурс] // RG.RU. 2021. 8 июня. URL: <https://rg.ru/2021/06/09/kitaj-planiruet-dostignut-uglerodnoj-nejtralnosti-k-2060-godu.html>.

8. Стратегия национальной безопасности Республики Армения: устойчивая Армения в меняющемся мире [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Республики Армения. URL: <https://www.gov.am/ru/gov-program/>

9. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономики Республики Беларусь. URL: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogosotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>.

10. Национальный план развития Республики Казахстан до 2025 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/press/news/details/170579?lang=ru>; <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U180000636>.

11. Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Кабинета министров Кыргызской Республики. URL: <https://www.gov.kg/ru/programs/8>.

12. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>.

13. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Элек-

тронный ресурс] // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>

14. Центральный банк Республики Армения. Денежно-кредитная политика [Электронный ресурс] // Центральный банк Республики Армения. URL: <https://www.cba.am/ru/SitePages/mpobjective.aspx>.

15. Национальный банк Казахстана. Денежно-кредитная политика [Электронный ресурс] // Национальный банк Казахстана. URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/links/dkp>.

16. Центральный банк Российской Федерации. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2021 год и период 2022 и 2023 годов [Электронный ресурс] // Центральный банк РФ. URL: https://cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2021_2023/

17. Национальный банк Республики Беларусь. Основные направления денежно-кредитной политики Республики Беларусь. [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. URL: <https://www.nbrb.by/legislation/ondkp>.

18. Национальный банк Кыргызской Республики. Денежно-кредитная политика. Основные направления денежно-кредитной политики [Электронный ресурс] // Национальный банк Кыргызской Республики. URL: <https://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=1408&lang=RUS>.

19. Всемирный банк [Сайт]. URL: [https://databank.worldbank.org/source/sustainable-development-goals-\(sdgs\)#](https://databank.worldbank.org/source/sustainable-development-goals-(sdgs)#)

20. Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник Российской академии наук. 2012. № 7. С. 1–28.

21. Сухарев О.С. Структура экономического роста стран Евразийского союза [Электронный ресурс] // Экономические стратегии. 2020. № 2. С. 112–123. DOI: 10.33917/es-2.168.2020.112-123. URL: <http://www.inesnet.ru/article/struktura-ekonomicheskogo-rosta-stran-evrazijskogo-soyuza/>

11. *Natsional'naya strategiya razvitiya Kyrgyzskoi Respubliki na 2018–2040 gody* [National Development Strategy of the Kyrgyz Republic for 2018–2040]. Ofitsial'nyi sait Kabineta ministrov Kyrgyzskoi Respubliki, available at: <https://www.gov.kg/ru/programs/8>.

12. *Ukaz Prezidenta RF ot 21 iyulya 2020 g. N 474 "O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda"* [Decree of the RF President of July 21, 2020 No. 474 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030"]. Ofitsial'nyi sait Prezidenta RF, available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>.

13. *Ukaz Prezidenta RF ot 2 iyulya 2021 g. N 400 "O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii"* [Decree of the RF President of July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"]. Garant, available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>

14. *Tsentral'nyi bank Respubliki Armeniya. Denezhno-kreditnaya politika* [Central Bank of the Republic of Armenia. Monetary Policy]. Tsentral'nyi bank Respubliki Armeniya, available at: <https://www.cba.am/ru/SitePages/mpobjective.aspx>

15. *Natsional'nyi bank Kazakhstana. Denezhno-kreditnaya politika* [National Bank of Kazakhstan. Monetary Policy]. Natsional'nyi bank Kazakhstana, available at: <https://www.nationalbank.kz/ru/links/dkp>.

16. *Tsentral'nyi bank Rossiiskoi Federatsii. Osnovnye napravleniya edinoi gosudarstvennoi denezhno-kreditnoi politiki na 2021 god i period 2022 i 2023 godov* [Central Bank of the Russian Federation. Main Directions of the General State Monetary Policy for 2021 and the Period of 2022 and 2023]. Tsentral'nyi bank RF, available at: https://cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2021_2023

17. *Natsional'nyi bank Respubliki Belarus'. Osnovnye napravleniya denezhno-kreditnoi politiki Respubliki Belarus'* [National Bank of the Republic of Belarus. Main Directions of the Monetary Policy of the Republic of Belarus]. Natsional'nyi bank Respubliki Belarus', available at: <https://www.nbrb.by/legislation/ondkp>.

18. *Natsional'nyi bank Kyrgyzskoi Respubliki. Denezhno-kreditnaya politika. Osnovnye napravleniya denezhno-kreditnoi politiki* [National Bank of the Kyrgyz Republic. Monetary Policy. Main Directions of the Monetary Policy]. Natsional'nyi bank Kyrgyzskoi Respubliki, available at: <https://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=1408&lang=RUS>.

19. *Vsemirnyi bank*, available at: [https://databank.worldbank.org/source/sustainable-development-goals-\(sdgs\)#](https://databank.worldbank.org/source/sustainable-development-goals-(sdgs)#)

20. Glaz'ev S.Yu., Lokosov V.V. Otsenka predel'no kriticheskikh znachenii pokazatelei sostoyaniya rossiiskogo obshchestva i ikh ispol'zovanie v upravlenii sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem [Assessment of the Extremely Critical Values of Indicators of the State of Russian Society and Their Use in Managing Socio-economic Development]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 2012, no 7, pp. 1–28.

21. Sukharev O.S. Struktura ekonomicheskogo rosta stran Evrazijskogo soyuza [Structure of Economic Growth of the Countries of the Eurasian Union]. *Ekonomicheskie strategii*, 2020, no 2, pp. 112–123, DOI: <https://doi.org/10.33917/es-2.168.2020.112-123>.